

БЫТЬ И НЕБЫТЬ

- НУ И КТО был инициатором? Молчать будешь? Ну погоди, - оперуполномоченный Хамовнического отделения милиции захлопнул железную дверь камеры предварительного заключения. - Ишь, как власть поносить - они первые. А как отвечать - так сразу: "В чем дело?" Да, измывал нынче народ. Хотя... Что-то мне физиономия этого парня больно знакома. Слышь, Иван, - обратился милиционер к напарнику, - загляни в пятнадцатую. Кого-то мне этот задержанный напоминает. Контра, конечно. Но кто его знает... Что, уже сходил? Кто?! Есенин? Этот парень - и есть тот самый крестьянский поэт Есенин?! Что же ты, дурья твоя башка, так спокойно об этом говоришь? Забыл, что ли, как его в "Правде" сам товарищ Троцкий хвалил? Иди извинись перед ним и немедленно отпусти...

На Пречистенке

ЧЕРЕЗ тридцать минут после этого разговора около старинного особняка на Пречистенке остановилось авто. Вышедший из него молодой человек, в крылатке, с непокрытой, несмотря на декабрь, головой, изо всей силы захлопнул за собой дверцу машины и громко постучал в переднюю.

- Открывай, Ирма. Открывай живее.

- Сергей Александрович? Проходите. А мы вас обыскали - ушли на пару часов в издательство, а объявились только под утро. Мисс Дункан уже и в Кремль звонила, думала, с вами что случилось.

- Правильно думала. Всю ночь в камере просидел, как бандит какой. За что, за что... Рукопись мне в издательстве вернули. Требуют, чтобы я в стихах слово "Бог" заменил. Специальный декрет, оказывается, вышел, и теперь слово "Бог" употреблять запрещено. Как же, буду я подчиняться их идиотским декретам. Я этой рукописью управляющего по морде и отхлестал. Потом пообедал с друзьями и домой пошел. И надо же было, что перед самой Пречистенкой какие-то сволочи решили у меня документы проверить. Ну мы и сцепились...

Есенин дотронулся до затекшего глаза. Поморщившись, он встал и принялся возбужденно рассказывать по комнате.

- Ничего, Ирма, им все равно сильнее досталось. Не крикни я: "Бей коммунистов - спасай Россию", - они бы так и остались ни с чем. А тут, как назло, какие-то дружинники проходили. Меня и арестовали. Ну да ладно, хватит об этом. Где Изадора? Она, что, правда звонила в Кремль?

- Да, разговаривала с наркомом просвещения Луначарским. Он ее успокоил и настоятельно рекомендовал... выйти за вас замуж. Тогда вы, может, перестанете впутываться в скандалы, да и защитить вас будет кому. Луначарский уже знает, что вы собираетесь в Америку, и беспокоится, что вас там обидят. Они же до сих пор не признали советскую власть. Да и райсовет, может, успокоится, если вы пропишетесь здесь. И перестанет требовать каких-то налогов с мисс Дункан за то, что она якобы сдает комнаты внаем.

- Вы так уговариваете меня жениться на вашей тетушке, что мне начинает казаться, что и вы не прочь стать моей супругой. Ладно-ладно, шучу. Вы уже завтракали? Хм, когда только успели... Хорошо, тогда давайте обедать. Я со вчерашнего дня ничего не ел.

- Как скажете, Сергей Александрович. Пойду только предупрежу Айседору - у нее занятия с ученицами.

Кадриль

ЕСЕНИН прислушался - на втором этаже действительно играла музыка и слышался голос Дункан, пытавшейся по-английски объяснить девочкам, набранным из рабочих семей, которых она решила научить танцевать, как нужно двигаться, чтобы изобразить бабочку, перелетающую с цветка на цветок. Из-за того, что по-русски Айседора знала лишь две фразы: "красный карандаш" и "зеленое яблоко", находить общий язык с ученицами было непросто.

Зачем ей все это нужно? Прославленная балерина, мировая знаменитость, просто богачка, наконец, бросив все, приехала в незнакомую страну, чтобы учить пролетарских детей танцам. Все-таки правы, наверное, друзья, убеждающие его, что в Россию Дункан просто сбегала. Полные залы ничего не понимающей в танце публики помогают ей обманывать себя и верить, что ее время еще не ушло и искусство располневшей, при-

ближающейся к пятидесяти годам балерины еще способно кого-то очаровывать.

Если это так, то ее расчет оправдался. На выступлениях - аншлаги, "браво" и неведомо откуда берущиеся в промозглой и нищей Москве цветы. Говорят, на ее концерте в Большом был даже Ленин, лично распорядившийся выделить Дункан особняк миллионщика Ушкова, знаменитый огромным зеркальным залом, который Ушков сделал для жены - балерины Большого театра Балашовой. Теперь в этом зале Дункан дает уроки своим ученицам.

Забавно, что Ушков, сбежавший после революции за границу, купил в Париже дом, ранее принадлежавший Айседоре. Когда во время очередного застолья Айседора узнала об этом от какого-то чекиста, долго смеялась: "Вот так кадрили!" И потом с удовольствием рассказывала эту историю на бесконечных застольях (вино и еда бесплатно поставлялись на Пречистенку из кремлевской столовой).

Бабочка и хулиган

Аргументы и факты - 2000 - дек. (№52) - с. 18

Сергей Есенин и Айседора Дункан. 1922 г.

По Москве пошли гулять слухи, что заезжая знаменитость так широко живет на деньги, оставленные в тайнике бывшим хозяином дома. И в одну из ночей в особняк залезли воры. Через окно они проникли в комнату мирно спящих девочек, и, если бы не Есенин, услышавший непонятный шум и ворвавшийся в комнату с поленом в руках, неизвестно, какой бы у этой истории был конец.

Женюсь!

МОЖЕТ, ему и правда жениться на Дункан? А что, звучит красиво: "Есенин - Дункан". Подумаешь, невеста на 18 лет старше жениха. Им же, в конце концов, не детей рожать. К тому же они и так почти повенчаны. В первый же вечер их знакомства осенью 21-го года Дункан пригласила Есенина к себе на Пречистенку. Наняли извозчика, и тот, заснув на козлах, несколько раз обвез их вокруг церкви св. Власия в Гагаринском переулке. Есенин что-то рассказывал Айседоре, та внимательно слушала, и только переводчик заметил, что коляска кружит на одном месте. "Ты что, венчаешь нас, что ли?" - растолкал поэт извозчика. - Повенчал, повенчал. Слышишь, Исидора, нам теперь жениться надо", - засмеялся Есенин.

Наверное, это судьба. И завтра, в новогоднюю ночь, он ей об этом скажет.

Игорь ИЗГАРШЕВ

Р. S. Ровно 75 лет назад, накануне Нового года покончил жизнь самоубийством великий хулиган России.